

Защита интересов несовершеннолетних детей с помощью административных мер и процедур

С.Н. Дорофеева

ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)», г. Санкт-Петербург

Объектом исследования являются правоотношения, возникающие между родителями, законными представителями ребенка и органами опеки и попечительства при задействовании последними административного механизма отобрания детей. Предметом исследования выступают нормы семейного права, регламентирующие институт изъятия ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью. Целью является анализ теоретической несостоятельности ст. 77 Семейного кодекса Российской Федерации, что выражается в отсутствии четких критериев, подпадающих под признаки термина «непосредственная угроза жизни или здоровью ребенка». В качестве задач рассматриваются альтернативные способы защиты детей при нарушении родителями прав ребенка. Методом исследования является сравнительный, на основе которого представлены доктринальные подходы, а также разъяснения правоприменителей относительно понятий угрозы жизни и здоровью детей. Результаты исследования могут быть представлены следующими выводами. В целях исключения принятия необоснованных решений, направленных на изъятие ребенка из семьи, необходимо учитывать конкретную жизненную ситуацию в семье, не ограничиваясь сугубо формальными критериями, что позволит защитить интересы ребенка, изымаемого из семьи. Требуется разработка комплекса организационных и профилактических мер, максимально подчиненных сохранению семейного воспитания и применяемых прежде, чем в действиях родителей будет усмотрен состав правонарушения, способный привести к отобранию ребенка с возможной дальнейшей утраты родительских правоотношений.

Ключевые слова: *приоритет семейного воспитания, непосредственная угроза жизни или здоровью детей, административный порядок отобрания детей, органы опеки и попечительства.*

Защита прав и законных интересов несовершеннолетних детей актуальна во все времена, поскольку дети должны расти и развиваться в благоприятных условиях, которые в первую очередь реализовываются родителями. В тех ситуациях, когда родители ненадлежащим образом выполняют свои обязанности, данные обязательства в полном объеме возлагаются на государство, которое создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма,

гражданственности и уважения к старшим. Ратифицированная Российской Федерацией Конвенция ООН «О правах ребенка» реализована в национальном законодательстве. Приоритет семейного воспитания гарантируется Основным законом (ст. 67.1 Конституции РФ) [1] и ст. 1 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) [3]. Нормы Конвенции (ч. 1 ст. 9) гарантируют ребенку право не быть разлученным со своими родителями вопреки его желанию, за исключением случаев, когда компетентные органы, согласно судебному решению, определяют в соответствии с применимым законом и процедурами, что такое разлучение необходимо в интересах ребенка [2]. Однако данная норма не означает, что разлучение ребенка с семьей при любых иных обстоятельствах, кроме как по решению суда, является действием неправомерным, поскольку принцип приоритета семейного воспитания заключается не только в наличии семьи, но и обеспечении ребенка всем необходимым для нормального развития, физического и психического здоровья. Непоправимые последствия, травмы и даже смерть могут наступить в случае игнорирования родителями прав ребенка.

Обращаясь к дефиниции ст. 77 СК РФ, мы видим, что орган опеки и попечительства вправе немедленно отобрать ребенка у родителей (одного из них) или у других лиц, на попечении которых он находится, при непосредственной угрозе жизни ребенка или его здоровью, но при этом конкретных критериев непосредственной угрозы, достаточных для отобрания ребенка, законодатель не приводит. Тогда возникает вопрос, что следует понимать под непосредственной угрозой жизни ребенка или его здоровью, влекущей применение этой вынужденной несудебной меры?

Анализ мнений ряда ученых-цивилистов дает нам некоторое понимание критериев непосредственной угрозы, достаточных для отобрания ребенка. Так, С.В. Букшина подчеркивает, что такая угроза должна носить прямой и явный характер, а в качестве возможных последствий называют «отсутствие заботы о здоровье ребенка, о его материально-бытовом обеспечении (например, проживание или пребывание ребенка в помещении, не соответствующем требованиям техники безопасности и (или) санитарным правилам и нормам); применение недопустимых способов и приемов воспитания» [10, с. 13–16].

Ю.Ф. Беспалов отмечает, что «непосредственная угроза жизни или здоровью ребенка – сложное социально-правовое явление, которое характеризуется такими признаками, как чрезвычайность; угроза непосредственной опасности; трудная жизненная ситуация для ребенка, требующая немедленного реагирования в виде экстренной помощи. Степень опасности в такой ситуации определяется характером поведения родителей (лиц, их заменяющих), иных виновных лиц; возрастом ребенка; состоянием его здоровья; отсутствием иных лиц,

способных обеспечить охрану и защиту прав ребенка, в том числе заботу о нем в возникших условиях и т. д.» [8].

С.П. Гришаев в качестве примеров такой непосредственной угрозы называет «оставление родителями ребенка без присмотра, питания, избиение или истязание ребенка родителями, унижающее человеческое достоинство обращение с ребенком, его оскорбление или эксплуатацию и т. п. Оценка реальности угрозы зависит от возраста ребенка» [11, с. 104].

Подтверждение доктринальных подходов мы находим в правоприменительной практике, в частности, оценивая доводы жалобы относительно нарушения ст. 77 СК РФ конституционных прав родителя и несовершеннолетнего ребенка, Конституционный Суд Российской Федерации указал, что немедленное отобрание ребенка является мерой чрезвычайного и временного характера, проведение которой возможно в исключительных случаях, не терпящих отлагательств [14].

Разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, содержащиеся в постановлении Пленума от 14.11.2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав», сводятся к тому, что под непосредственной угрозой жизни или здоровью ребенка следует понимать угрозу, с очевидностью свидетельствующую о реальной возможности наступления негативных последствий в виде смерти, причинения вреда физическому или психическому здоровью ребенка вследствие поведения (действий или бездействия) родителей (одного из них) либо иных лиц, на попечении которых ребенок находится [7].

Основываясь на сказанном, можно сделать вывод, что данная мера носит экстраординарный характер, ее применение возможно лишь в исключительных случаях, которые не терпят отлагательств в связи с угрозой жизни или здоровью ребенка, и тем самым эта мера по защите прав ребенка отличается от иных мер защиты прав несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении.

Отобрание производится сотрудником органа опеки на основании соответствующего акта органа исполнительной власти субъекта РФ либо акта главы муниципального образования в случае, если законом субъекта РФ органы местного самоуправления наделены полномочиями по опеке и попечительству в соответствии с федеральными законами. Дополнительной гарантией защиты прав ребенка, равно как и обоснованности принятой меры, является то, что законодатель обязывает орган опеки и попечительства незамедлительно уведомить прокурора, а также обеспечить временное устройство ребенка и в течение семи дней после вынесения акта об отобрании ребенка

обратиться в суд с иском о лишении родителей родительских прав или об ограничении их родительских прав.

Пусть и единичные, но имеющиеся факты необоснованного изъятия детей органами опеки, сгенерировали активность законодателей, которые выдвинули ряд инициатив по «детским» вопросам семейной направленности. В частности, в июле 2020 г. в Государственную Думу РФ был внесен законопроект № 986679-7, нацеленный на ограничение внесудебного изъятия детей из семей путем введения судебного порядка для таких случаев. Также был представлен законопроект № 989008-7 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации», направленный на укрепление института семьи. Предлагаемые законопроектами меры возникли на фоне широкого толкования критериев, по которым происходит отобрание детей в ситуациях, представляющих угрозу для их здоровья и жизни. В силу неоднозначности предлагаемых изменений законопроекты вызвали активное общественное обсуждение, и были сняты с рассмотрения в связи с необходимостью их доработки.

Является ли отсутствие четких критериев понятия «непосредственная угроза жизни или здоровью ребенка» необходимостью принятия новых законов с целью перевода отобрания детей из административной плоскости в судебную? На взгляд автора, нет, и аргумент следующий.

Действующее законодательство предусматривает дополнительные административные механизмы защиты детей, подвергнувшихся опасности от родителей.

Во-первых, обязанность органа опеки незамедлительно уведомить прокурора о произведенных действиях, как отмечалось выше, является дополнительной гарантией обеспечения законности принимаемых опекой решений. И здесь прокурор, наделенный надзорными полномочиями за исполнением законов, правомочен оценить обоснованность произведенного изъятия ребенка из семьи. Очевидно, что в каждой конкретной ситуации обстоятельства, свидетельствующие о наличии непосредственной угрозы жизни или здоровью ребенка, различны и предусмотреть их полный перечень вряд ли возможно. Однако «при оценке законности отобрания ребенка прокурору всегда необходимо устанавливать: 1) наличие угрозы причинения вреда здоровью и наступления смерти ребенка; 2) непосредственность и реальность такой угрозы; 3) невозможность устранения угрозы иным путем, нежели чем отобрание ребенка у родителей. Если указанных признаков не выявлено, отобрание законным считаться не может» [13, с. 38].

Во-вторых, дополнительной мерой защиты прав несовершеннолетних выступает институт Уполномоченного по правам ребенка. В каждом субъекте Российской Федерации Уполномоченный

оперативно реагирует на случаи нарушения прав несовершеннолетнего, принимая в пределах своих полномочий меры по предупреждению и пресечению нарушения прав и законных интересов детей, что находит свое нормативное закрепление в ст. 14 Федерального закона от 27.12.2018 г. № 501-ФЗ «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации» [6].

На примере Санкт-Петербурга мы увидим, что сотрудники аппарата Уполномоченного по правам ребенка оперативно получают информацию от профильных служб и анализируют каждый случай, когда дети забираются органами опеки из семьи. Многолетнее сотрудничество аппарата Уполномоченного по правам ребенка происходит с различными профильными службами (Комитетом по социальной политике Санкт-Петербурга, органами опеки, Управлением по организации деятельности участковых уполномоченных полиции и подразделений по делам несовершеннолетних ГУ МВД) на основании поручения Президента РФ от 01.01.2017 г. № Пр-21. Такое сотрудничество позволяет максимально быстро реагировать на сигналы и оказывать эффективную помощь несовершеннолетним и их семьям. При этом проверяется и адекватность решения об отобрании несовершеннолетнего ребенка из семьи с точки зрения обоснованности применяемых мер и законности вмешательства в семью.

Обращение к данным статистики по Санкт-Петербургу отражает следующее. Достаточно положительная тенденция снижения количества случаев отобрания детей в порядке ст. 77 СК РФ в регионе, а именно: в 2019 г. было отобрано 16 детей; в 2020 и 2021 гг. – 8 детей; в 2022 г. – 4 детей; в 2023 г. – 3 детей; за 1 квартал 2024 года случаев отобрания детей в порядке ст. 77 СК РФ не зафиксировано [18].

Несмотря на имеющуюся тенденцию снижения количества случаев административного отобрания детей от родителей, в реальной жизни мы не исключаем ситуацию возможных произвольных решений со стороны органов опеки, когда детей отбирают из семьи без достаточных на то оснований. Объяснить это можно только тем, что у каждого свои личные представления «о том, что можно считать благополучной семьей» [9, с. 139].

Что необходимо сделать, чтобы одновременно обеспечить конвенционный принцип неразлучения ребенка с семьей и сохранить ему жизнь при возникновении угрозы? Возможно ли это в реальных условиях? Полагаем, да, это вполне возможно, поскольку как способы защиты ребенка, так и механизм его возврата в семью прописаны в нашем национальном законодательстве: в частности, в рамках норм административного судопроизводства родители не лишены права обжалования действий органов опеки и попечительства. Но как показывает правоприменительная практика, редким случаем является обращение в суд с административным иском родителя, у которого

отобран ребенок в порядке ст. 77 СК РФ через административную процедуру. Совершенно очевидно, что дети изымаются практически всегда из весьма неблагополучных семей, находящихся в асоциальном состоянии, где отсутствуют надлежащие условия для проживания маленького и незащищенного человека и есть угроза для ребенка, которая является достаточно реальной, а значит, ребенку нужно моментально оказать соответствующую помощь. А если такой горе-родитель и обращается в суд с оспариванием действий опеки по отобранию ребенка, то весьма предсказуемо, что он получает правомерный судебный отказ, что совершенно обоснованно, поскольку речь идет о защите самого слабого субъекта семейных правоотношений – ребенка.

Приведем несколько примеров из правоприменительной практики, из которой видно, что дети были отобраны из неблагополучных семей в связи с наличием угрозы их жизни и здоровью, а родители, не согласные с таким отобранием, реализовали свое право на судебную защиту. Так, в одном из дел было установлено, что мать вызвала врачей скорой помощи по причине того, что двое близнецов непрерывно плакали. Врачами неотложки по вызову вместе с сотрудниками комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при администрации, после осмотра младенцев, было установлено, что мать не успевает покормить детей, присмотреть за ними, не справляется с уходом за детьми, дети находятся на искусственном вскармливании, но мать не помнит, когда последний раз кормила своих детей.

Более 3 часов врачи скорой помощи находились в квартире, чтобы помочь матери осуществить уход за детьми, и после постановки диагноза сотрудник опеки отвезла детей в дом ребенка. В дальнейшем к матери был предъявлен иск о лишении ее родительских прав в отношении как отобранных детей (близнецов), так и еще троих ее детей по причине невыполнения родительских обязанностей, злоупотребления спиртными напитками, неудовлетворительным состоянием жилищно-бытовых условий, препятствиями к нормальному развитию детей (старшие дети не учились в школе, занимались попрошайничеством, курили, принимали психоактивные вещества). Мать, оспаривая решение об отобрании детей, мотивировала тем, что не установлен факт нахождения детей в обстановке, представляющей опасность для их жизни или здоровью. Суды первой и второй инстанций отклонили требования матери, мотивируя тем, что действия органа опеки и попечительства по устройству новорожденных детей (близнецов) в дом ребенка до решения вопроса о лишении матери родительских прав направлены исключительно на защиту прав малолетних детей и отвечают их интересам [15].

В другом деле, отказывая в удовлетворении административного искового заявления матери о признании незаконными действий органов опеки по изъятию несовершеннолетней дочери, суд первой инстанции

установил факты проживания ребенка в антисанитарных условиях, злоупотребление матерью спиртными напитками, неоднократное привлечение ее к административной ответственности по ч. 1 ст. 5.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях за ненадлежащее исполнение родительских обязанностей, а поскольку воспитание ребенка матерью являлось небезопасным для ребенка и он находился в социально опасном положении, все это и послужило основанием для изъятия ребенка из семьи и помещения его на временное пребывание в детский дом [4]. Апелляционная и кассационная инстанции, проверяя законность решения суда первой инстанции, с выводами суда согласились [17].

В рамках рассмотрения другого дела было установлено, что подросток сообщил учителю школы о нанесении ему травм отцом, в связи с чем по факту нанесения телесных повреждений малолетнему было возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 117 Уголовного кодекса РФ [5]. В целях обеспечения безопасности (недопущения отца в жизнь ребенка) ребенок был помещен органами опеки в ГБУ Центр поддержки семьи и детства САО г. Москвы. Ссылаясь на то, что причины изъятия ребенка ему (отцу) неизвестны, в родительских правах он не ограничивался и их не лишался, от исполнения родительских обязанностей не уклонялся, а в ходе расследования уголовного дела не подтвердился факт причинения им травм сыну, отец обратился в суд с административным иском о признании незаконным изъятия ребенка из семьи. Суды первой и второй инстанций в удовлетворении административного иска отказали, ссылаясь на то, что сам по себе факт прекращения уголовного дела в связи с отсутствием события преступления по ч. 1 п. 1 ст. 24 Уголовно-процессуального кодекса РФ в действиях отца не влечет незаконность действий опеки, поскольку действия и решения административного ответчика по изъятию ребенка из семьи были основаны на сведениях о фактах, имевшихся на момент изъятия ребенка, и были направлены на исключение возможности пребывания несовершеннолетнего в психотравмирующей ситуации, а, соответственно, обусловлены обеспечением права ребенка на охрану его жизни и здоровья [16].

Приведенные примеры из судебной практики позволяют сделать вывод, что изъятие ребенка из семьи, являясь вынужденной мерой, применяется только в случае выявления негативных факторов, отрицательно влияющих на развитие и воспитание ребенка, создающих реальную опасность для здоровья и жизни малолетнего, и разрешение семейных споров происходит с соблюдением не только законных прав и интересов обоих родителей, но, в первую очередь, с безусловным соблюдением интересов несовершеннолетних детей.

Здесь возникает вопрос: как представителю опеки определить критерии данной опасности, учитывая, что каждый субъект, в том числе

наделенный властными полномочиями, имеет свои представления о приемлемости и допустимости? При отсутствии четких законодательных ориентиров в понятии опасности мы не исключаем ошибок со стороны органов опеки, когда возможно принятие произвольных решений об изъятии детей из семьи без достаточных к тому оснований. Полагаем, что правовое регулирование процедуры изъятия детей из семьи, прежде всего, должно в полной мере отвечать наилучшим интересам самого ребенка, под которыми в силу международного и российского законодательства понимается право ребенка на жизнь, выживание, всестороннее и гармоничное развитие.

Безусловно, на сегодня немаловажным фактором являются профилактические меры, которые должны проводиться в неблагополучных семьях с целью исключения безразличного, а нередко и жестокого отношения со стороны родителей к детям. Подтверждением разумного и взвешенного подхода сотрудников органов опеки к соблюдению прав и интересов несовершеннолетних детей, сохранению ими семейных уз является анализ приведенной статистики по Санкт-Петербургу о снижении количества случаев изъятия детей.

Подводя итоги данному исследованию, необходимо отразить следующее.

Во-первых, надзор со стороны государства за законностью принимаемых органами опеки и попечительства решений, в том числе связанных с отобранием детей в административном порядке, осуществляется прокуратурой. Дополнительным контролирующим государственным органом выступает Уполномоченный по правам ребенка.

Во-вторых, несмотря на наличие множества органов в сфере семьи, координационный орган в области семейной направленности как таковой отсутствует и абсолютное большинство функций возложено на органы опеки и попечительства.

В-третьих, права родителей на возвращение ребенка, отобранного в административном порядке, защищены национальным законодательством, и в данном аспекте мы можем говорить «о презумпции возвращения ребенка в семью после выяснения обстоятельств произошедшего и проведения определенных социально-реабилитационных мероприятий, направленных на восстановление воспитательного функционала семьи» [12, с. 38–63], в результате чего отпадает основной критерий, касающийся угрозы жизни и здоровья ребенка.

В-четвертых, первоочередной задачей государства является проведение профилактических мероприятий, направленных на превенцию возникновения оснований как для отобрания ребенка, так и для последующего лишения или ограничения родительских прав. И

здесь специалистам системы профилактики необходимо распознать тот переломный момент, который делает обычную семью проблемной, и принять все необходимые меры для оказания помощи именно на раннем этапе. В это время помощь не только необходима, но и наиболее действенна. Чем дольше семья находится в кризисе, тем ниже потенциал для ее восстановления, и тем больший объем усилий необходим для ее реабилитации. Указанное свидетельствует о том, что необходим комплекс организационных и профилактических мер, максимально подчиненный принципу приоритета семейного воспитания.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 г.) (вступила в силу для СССР 15.09.1990 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 29.05.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.05.2024 г.) с изм. и доп., вступ. в силу с 10.06.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон от 27.12.2018 г. № 501-ФЗ (ред. от 10.07.2023 г.) «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Беспалов Ю.Ф. Некоторые проблемы применения семейного законодательства в части государственной охраны и защиты ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, и пути их решения // Семейное и жилищное право. 2019. № 4. С. 4–7.
9. Бостриков В.А. Проблемные вопросы изъятия ребенка из семьи // Защита частных прав: проблемы теории и практики: Материалы XI ежегодной международной научно-практической конференции, Иркутск, 20–23 декабря 2022 г. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2023. С. 136–143.
10. Букшина С.В. Отобрание ребенка в административном порядке: основание, последствия и значение // Вопросы ювенальной юстиции. 2014. № 3. С. 13–16.

11. Гришаев С.П. Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. // СПС «КонсультантПлюс».

12. Кравчук Н.В. Изъять нельзя оставить: взгляд на российские реалии изъятия ребенка из семьи через призму стандартов Европейского суда по правам человека // *Международное правосудие*. 2022. № 2 (42). С. 38–63.

13. Мельникова М.Б. Роль прокурора в оценке законности отобрания ребенка у родителей // *Законность*. 2018. № 2 (1000). С. 37–40.

14. Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2011 г. № 1083-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Соколовой Татьяны Сергеевны на нарушение ее конституционных прав и конституционных прав ее несовершеннолетнего сына статьей 77 Семейного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

15. Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан по делу № 33-6312/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

16. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 01.02.2023 г. № 88а-4016/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

17. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 13.07.2022 г. № 88а-14810/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

18. Сайт Уполномоченного по правам ребенка в Санкт-Петербурге [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spbdeti.org> (дата обращения: 01.08.2024).

Об авторе:

ДОРОФЕЕВА Светлана Николаевна – старший преподаватель кафедры гражданского права Санкт-Петербургского института (филиала) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» (199178, 10-я Линия В. О., 19 А, Санкт-Петербург), федеральный судья в отставке, ORCID 0000-0002-1001-9659, SPIN-код: 5827-0464, AuthorID: 778519, e-mail: sveta.dorofeeva994@gmail.com

Protection of the interests of minor children through administrative measures and procedures

S.N. Dorofeeva

All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), St. Petersburg

The object of the study is the legal relationship arising between parents, legal representatives of the child and guardianship and trusteeship authorities when the latter use the administrative mechanism of removing children. The subject of the study is the norms of family law regulating the institution of removing a child in case of an immediate threat to his or her life or health. The goal is to analyze the theoretical inconsistency of Article 77 of the Family Code of the Russian Federation, which is expressed in the absence of clear criteria that fall under the attributes of the term "immediate threat to the life or health of the child". The tasks are considered as alternative ways of protecting children when parents violate the rights of the child. The research method is

comparative, on the basis of which both doctrinal approaches and explanations of law enforcement officers regarding the concept of a threat to the life and health of children are presented. The results of the study can be presented in the following conclusions. In order to exclude the adoption of unreasonable decisions aimed at removing a child from the family, it is necessary to take into account the specific life situation in the family, without limiting ourselves to purely formal criteria, which will protect the interests of the child removed from the family. It is necessary to develop a set of organizational and preventive measures that are maximally subordinated to the preservation of family education and applied before the parents' actions are found to constitute an offense that could lead to the removal of the child with the possible subsequent loss of parental legal relations.

Keywords: *the priority of family education, an immediate threat to the life or health of children, the administrative procedure for selecting children, draft laws, guardianship and guardianship authorities.*

About author:

DOROFEEVA Svetlana – senior lecturer of the Department of Civil Law at the Saint Petersburg Institute (branch) of FGVU «Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice)» (199178, 10th Line B. O., 19 A, Saint Petersburg), federal judge in retirement, ORCID 0000-0002-1001-9659, SPIN-code: 5827-0464, AuthorID: 778519, e-mail: sveta.dorofeeva994@gmail.com

Дорофеева С.Н. Защита интересов несовершеннолетних детей с помощью административных мер и процедур // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 3 (79). С. 36–46.

Статья поступила в редакцию 12.08.2024 г.

Подписана в печать 23.09.2024 г.